

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ДЕВЯТНАДЦАТАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО ИЗУЧЕНИЮ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

Тезисы докладов
Часть II

МОСКВА 1988

только сохранить, но даже восстановить многие черты своей самобытной культуры. Последняя нередко идеализируется полинезийцами, стремящимися сохранить живую связь настоящего с прошлым. Вряд ли можно говорить сейчас о культуре вождей в том виде, в каком он существовал прежде. Но до сих пор важное место в обществе занимают вожди разных рангов — глава большой семьи, вождь деревенской общины, вождь племени. Таким образом, материалы о далеком прошлом полинезийцев, о их традиционной культуре и, в частности, о характерном для их религии культе вождей, помогают понять некоторые черты современной жизни островитян.

В.Р. Кабо

/Ин-т этнографии АН СССР, Москва/

Шаманизм как форма религии раннепервобытного общества

Шаманизм — одно из самых ярких и, в то же время, загадочных явлений первобытной культуры. Несмотря на то, что ему посвящена огромная литература, споры вокруг него не прекращаются. Одни исследователи считают его присущим лишь сравнительно ограниченному кругу народов, стоящих на поздних ступенях развития первобытнообщинного строя, другие рассматривают шаманизм как явление распространенное у народов всех частей света. В действительности шаманизм — почти такая же универсальная форма первобытной религии, как колдовство или знахарство, и имеет, подобно им, глубокие исторические корни. Об этом свидетельствует его существование уже на одном из самых ранних уровней социально-культурного развития, у аборигенов Австралии.

Наиболее типичная особенность шаманизма, согласно С.А. Токареву, — экстатическое общение со сверхъестественным миром и в связи с этим выделение в обществе людей, которым приписывается способность такого общения путем искусственного приведения себя в экстатическое состояние. М. Элиаде также считает шаманизм универсальным явлением, для которого характерна, прежде всего, техника экстаза; посредством ее шаман, человек, обладающий даром приводить себя в состояние контролируемого экстаза в религиозных целях, вступает в общение с миром духов.

Отмеченными особенностями, как ни важны они для понимания

шаманизма, сущность его далеко не исчерпывается. В лице шамана предстает, возможно впервые, специалист в области религиозной и психотерапевтической практики, а также в сфере интеллектуального творчества. Относительно раннее возникновение такой специализации связано с функциями шамана, жизненно важными с точки зрения первобытного коллектива. Личность шамана сочетает в себе различные ипостаси - знахаря, наделенного способностью общаться, обычно в состоянии транса, с обитателями иных миров, ища их помощи и покровительства, прорицателя, актера и поэта. Шаман - творец синкретического типа. А синкретическая специализация - наиболее архаическая форма специализации. Индивидуальность шамана, его функции несут в себе в нерасчлененном виде те элементы, которые позднее, на более высоких уровнях социального и культурного развития, выделяются в самостоятельные виды деятельности.

Существует взгляд, согласно которому, типичным является лишь шаманизм в его классических формах, которые мы находим у народов Арктики, Сибири, Центральной Азии - с определенной ритуальной экстатической техникой, с полетом души шамана в небесные миры или, как у эскимосов, с нисхождением ее на дно моря, с могущественными духами-помощниками. Между тем исходные формы шаманизма в его наиболее характерных проявлениях прослеживаются уже у таких народов как тасманийцы, австралийцы, огнеземельцы, бушмены. Таков, например, массовый шаманизм бушменов кунг, когда, по свидетельству очевидцев, бушмены коллективно приходят в состояние транса, причем выдающиеся врачеватели и визионеры рассказывают потом, по "возвращении", о путешествиях в иные миры, населенные иными существами.

Австралийские шаманы получали шаманский дар от духов и старых опытных шаманов, они ждали посвящения в сосредоточенном уединении, и все это напоминает получение шаманского дара шаманами классического типа. Чтобы посетить, как это свойственно и классическому шаманизму, небесные миры, шаман-кунки австралийского племени джери поднимался на небо по волосной веревке; то же отмечено и в других племенах. Совершенно так же, с помощью магической веревки, поднимаются на небо или на вершины деревьев шаманы огнеземельцев оа, семангов Малаккского полуострова и некоторых других народов. Способность подниматься на небо свидетельствует о сверхъестественных свойствах шамана, а веревка - о "коммуникабельности" земного и потустороннего миров.

Австралийский шаман мог поймать душу, покидающую тело человека в момент смерти, и вселить ее обратно в тело, и это тоже облекает австралийского шамана с его собратьями в других странах. Австралийские шаманы нередко прибегали и к помощи духов-помощников. У курнаев шаман-бираарк переносился на небо дружественными духами, в других племенах шаманы обладали способностью летать сами. Полет шаманов на небо был нередко главным элементом в их лечебной практике. Напомню, что способность летать — один из главных атрибутов личности шамана повсюду в мире. Виринунны, шаманы Юго-Восточной Австралии, имели собственные "деревья духов", мингга, от которых зависели их могущество, безопасность и сама жизнь, и эти деревья напоминают шаманские деревья народов Сибири. Вообще дерево в шаманской символике универсально и многозначно; нередко оно ассоциируется с "мировой осью", связывающей земной мир с верхним и нижним мирами. Основные символы шаманизма — мировое дерево, мировая гора, лестница, мост и некоторые другие, выступающие как средства общения шамана с иными мирами, или космическими зонами, — в исходной, элементарной форме известны уже на ранних стадиях развития. Мировое дерево или его аналоги выполняют функцию космической оси, связывающей зоны вселенной; путешествие в иные миры может быть выражено в виде экстаза, а может изображаться раскачиванием на качелях, как у кубу, или восхождением по нитям или веревке, как у семангов, австралийцев и огнеземельцев. Архаично и универсально и камлание, или контролируемый транс.

Посвящение австралийского шамана воспроизводит символику смерти и возрождения, свойственную обрядам инициации подростков. И при посвящении шаманов, и в обрядах инициации тема смерти и возрождения имела решающее значение. "Делая" австралийского шамана, дух "убивал" его во сне и затем снова возвращал к жизни, подобно тому как умирают и возвращаются к новой жизни иницилируемые. При этом прежние внутренности будущего шамана заменялись новыми, что символизировало его становление как нового человеческого существа. "Рождаясь" для новой жизни, после серии посвячительных обрядов, которые продолжались с перерывами несколько лет, австралийский шаман, в представлении аборигенов, рождался для более глубокого понимания природы, космоса и самого человека, для постижения тайн жизни.

Посвящение будущих шаманов, сопровождаемое их "смертью" и возрождением, — универсальное явление, но каждый шаман посвя-

щается индивидуально, и это соответствует его положению в обществе как личности, одаренной способностями, выделяющими его среди соплеменников. Этим индивидуальным характером посвящения инициации шаманов отличаются от массовых инициаций подростков, переходящих из одной возрастной группы в другую. И тогда как последние, проходя инициацию, узнают то, что должны знать все посвященные мужчины, — все то, что будущий шаман узнает от духов или от шаманов, посвящающих его, все, что происходит с ним во время посвящения, остается его личным опытом, которым он не делится ни с кем. Шаман обладает индивидуальным тотемом или личным покровителем — часто это змея, которая, якобы, живет в его теле.

Как верили аборигены Австралии, только шаманы и знахари способны превосходить обычные человеческие способности и вести себя подобно героям мифологии, с которыми они находятся в непосредственных сношениях. Только они могут испытывать экстатическое состояние, во время которого поднимаются на небо или спускаются в подземные миры и общаются с героями мифов и высшими существами, а те "убивают" посвящаемого и заменяют его внутренности, иногда вкладывая на их место священный кристалл или перламутровую раковину.

Аналогичные австралийским формы шаманских инициаций известны в Центральной Азии и Сибири, в Южной Америке. И там будущий шаман проходил через период экстатических состояний, видений, душевного потрясения, духи "убивали" его, заменяли органы его тела новыми, а в тело южноамериканского, как и австралийского, шамана вкладывали магические предметы. У бакайри и некоторых других племен Центральной Бразилии посвящаемый в шаманы — пеай — засыпает и "умирает", его душа поднимается на небо, затем возвращается, и он пробуждается к новой жизни уже как пеай. Обрядовое поведение шамана сопровождается состоянием транса, мнимой смерти, путешествием души в иной мир. Эти и другие тождественные элементы шаманского комплекса, широко распространенные, восходят к тому архаическому прототипу, из которого постепенно развились все многообразные типы и формы шаманизма.

Австралийские шаманы были врачевателями и колдунами, и сами защищали общину от своих и чужих колдунов; они были делателями дождя и ясновидцами, медиумами-посредниками между людьми и миром духов, слагателями магических песен, толкователями снов, обнаруживали виновников преждевременной гибели людей, и неред-

ко эти функции совмещались в одном лице. В Юго-Восточной Австралии шаманы-прорицатели, способные прозреть как будущие, так и прошлые события, — их называли мункумболе, — пользовались большим влиянием; особенно значительной была их роль в межплеменных отношениях как в мирное, так и военное время.

Прорицания шаманистского характера, произносимые в состоянии транса, были неоднократно засвидетельствованы и у тасманийцев.

В австраловедческой литературе таких людей обычно называют знахарями, однако, факты свидетельствуют о том, что перед нами — особая категория специалистов, сочетающих в своей личности и деятельности такие особенности, которые дают основание характеризовать их как шаманов. Граница между знахарем и шаманом в таких архаических культурах как австралийская вообще зыбка и текуча. Те и другие — специалисты синкретического типа, функции тех и других — яркое проявление первобытного синкретизма. Австралийские знахари, по свидетельству Х. Петри, не только лекари и специалисты по борьбе с черной магией, они хранители исторических и религиозных традиций, им принадлежит руководящая роль в общественной жизни. Выдающиеся знахари обладают даром вождей, ораторов, пророков, обширными познаниями об эпохе первотворения — Времени сновидений, — которые во всей полноте доступны только им. Знахари Северо-Западной Австралии — бан-ман-получают свое призвание от мифической змеи-радуги Унгуд, создательницы мира из первобытного хаоса, источника жизни на земле, олицетворения плодородия. Это — собирательный образ: каждая отдельная Унгуд заботится о размножении животных и растений, о продолжении человеческого рода на земле каждого клана. Существуют предания о великих "докторах Унгуд" прошлого, но Петри встретил только одного такого человека. Он высоко уважался в стране племени унгариньин, и его слава простиралась далеко за ее пределами. О нем говорили, что он — воплотившийся в человека Вонджина, великий герой мифологии унгариньин, и что умерев, он уйдет в землю и превратится в змею Унгуд. Такие люди обладают даром провидцев, они способны подниматься в небесные сферы и погружаться в глубь земли или воды и общаться там с духами.

И вот здесь мы убеждаемся в том, что люди, которых Петри называет знахарями, — по-существу, являются шаманами. Об этом свидетельствует не только способность их подниматься на небо

или опускаться под землю, но и многое другое — способ получения шаманского дара, замена внутренностей и перерождение, экзотические состояния, способность переноситься на большие расстояния, общаясь с духами. Сверкающие кристаллы кварца, вложенные Унгуд в нового шамана, символизируют его причастность к небу, в радуге-змее. Благодаря полученному от Унгуд дару мирину, он узнает, кто именно околдован и кем, лечит околдованных, может вызвать или остановить дождь и т.д. От Унгуд он получает особую силу, которую он способен в состоянии транса посылать на большое расстояние. В этом состоянии он и сам совершает путешествия в страну духов, без труда преодолевая любые пространства. Его исключительные способности выделяют его среди других людей, но его призвание накладывает на него ряд стеснительных ограничений — например, он не должен есть горячую пищу, спать у огня.

И хотя Петри, рассказывая все это, подобно другим авторам говорит только о знахарях, называя знахарями и бан-ман, многое в этих людях, в их деятельности заставляет видеть в них типичных шаманов. Мы видим, кстати, что все, связанное с огнем, жаром, обладает для них как бы "отрицательным зарядом". Это можно рассматривать как проявление амбивалентных чувств, возбуждаемых огнем, играющим такую большую роль в шаманизме других народов.

Наряду с бан-ман существует еще другая категория людей, которых аборигены Северо-Западной Австралии именуют агула-бан-ман. Петри тоже называет их знахарями, но речь и здесь явно идет о шаманах, правда, шаманах какого-то иного типа. Они получают свое призвание не от змеи-радуги Унгуд, а от духов мертвых — агула. В отличие от бан-ман, они не проходят через длительное и сложное обучение. Они тоже обладают даром мирину и в состоянии транса посещают страну духов, но не на небе, как бан-ман, а в нижнем мире. Было бы неверно рассматривать этих людей только как конкурентов бан-ман, стремящихся овладеть их функциями и положением в обществе более легким путем, не проходя длительной школы и не сдав ответственного "экзамена", т.е. не пройдя обряда посвящения. Дело обстоит сложнее. Не посвященные во многие тайны религиозной жизни, агула-бан-ман, в отличие от бан-ман, служат иным общественным потребностям. Они устраивают нерелигиозные корробори и выступают в роли бардов, поэтов и композиторов. Их функции тоже синкретичны, многообраз-

ны, но в ином сочетании. В них тоже ярко проявляется творческое начало, но направленное на иные ценности, в них раскрываются иные стороны творческой личности. Едва ли поэтому прав Петри, утверждая, что бан-ман отражают всю духовную жизнь племени. Очевидно, существуют такие стороны этой жизни, которые призвана удовлетворять деятельность агула-бан-ман. Но верно, что только бан-ман, которые находятся в постоянном контакте с змеей-радугой Унгуд, способны оказывать влияние на все сферы жизни аборигенов. Таким влиянием и уважением агула-бан-ман не обладают.

Архаические формы шаманизма свойственны и древним австралоидам Юго-Восточной Азии — семангам и сеноям Малаккского полуострова, кубу Суматры. В центре социально-религиозной жизни у семангов стоит синкретическая фигура хала, который является одновременно лекарем, жрецом, колдуном, шаманом и предсказателем, а вместе с тем вождем или старейшиной. Здесь нет развитого представления о трехчленном строении мира, свойственного более поздней стадии развития шаманизма (хотя элементарные формы такого представления мы встречаем уже у австралийцев), нет представления о космической оси (мировом дереве или его аналогах), но уже имеется представление о путешествии шамана на небо, куда он поднимается по нитям, тянущимся от его пальцев и груди. Обращает на себя внимание сходство между семангскими хала и австралийскими шаманами и знахарями: те и другие лечат с помощью кристаллов, совершают восхождение на небо по нитям, протянутым от тела или изо рта, и т.д. И там, и здесь — исходные формы шаманизма. У сеноев функции шамана (хала) и вождя племени уже дифференцированы, хотя еще в значительной мере связаны между собой. Хала лечит и изгоняет духов, выступает в роли жреца и прорицателя. Пробраз мирового дерева у сеноев — пирамидальная лестница перед хижиной, где происходит камлание, по которой хала совершает символическое восхождение на небо. У кубу шаманизм оформился уже в самостоятельную сферу, шаманы-дети являются в известной мере профессионалами; камлание имеет характер театрализованного представления.

О зачаточных формах шаманизма у австралийцев, андаманцев, огнеземельцев и других охотников и собирателей писал еще С.А. Токарев (в книге "Ранние формы религии"), хотя он не во всем был последователен, предполагая в отдельных случаях, без достаточных оснований, что шаманизм появился у некоторых из этих

народов под влиянием более развитых соседей. Недостатком концепции С.А. Токарева является и то, что он отнес шаманизм как форму религии к эпохе "разложения родового строя". Правда, он оговаривается, что речь идет лишь о шаманизме "в полном и развернутом виде", тогда как его ранние, зародышевые фазы относятся к более древним стадиям общественного развития. Между тем, мы видим, что шаманизм в его главных, характерных чертах сложился уже на этих древних стадиях развития в обществе первобытных охотников и собирателей, что шаманизм как особая сфера деятельности существовал уже у аборигенов Австралии, что сами аборигены различали шаманов и специалистов иного профиля (знахарей, колдунов), давая первым особые названия; об этих фактах упоминает и Токарев.

Все это позволяет говорить о том, что шаманизм является одной из древнейших форм религии. Правда, шаманы стадильно наиболее ранних охотничье-собирательских обществ — это специалисты очень широкого профиля, интегрирующие в своей личности и деятельности многообразные свойства и функции. Но сама по себе степень многообразия этих свойств и функций зависит главным образом от индивидуальных качеств и способностей этих людей, выделяющих их среди соплеменников, делающих их не только психотерапевтами, визионерами, магами, поэтами и актерами, но порою и общественными лидерами. Такой синкретизм является стадильной чертой раннего шаманизма, хотя в известной мере он свойствен и шаманам более развитых обществ. И все же, несмотря на столь синкретический характер деятельности самых первых шаманов, мы можем говорить о них именно как о шаманах по преимуществу, со всеми присущими для последних характерными особенностями личности и поведения. А это означает, что первобытное общество уже на самых ранних стадиях развития нуждалось в подобной специализации, что оно искало и находило в своей среде людей этого особого, во многом все еще загадочного психического склада. Видимо, шаманизм был одним из тех направлений, по которым канализировалась напряженная духовная активность, ищущая своего выражения. И люди, побуждаемые этой внутренней потребностью и идя навстречу общественной потребности, выражали себя в социальном институте, который мы называем шаманизмом. Ибо шаманизм, как и многие другие формы первобытной религии, — не только идеологическое явление, но и социальный институт.

Большую роль в выделении знахаря, колдуна, прорицателя,

шамана, как и руководителя группы, вождя, играет сама личность этого человека. Его личные качества – вот что прежде всего способствует его выделению в обществе первобытных охотников и собирателей, его профессиональной специализации. Это вовсе не означает, как часто думают, что шаману необходим особый психоневротический склад как главное условие его "призвания", что шаман – всегда психотик, побеждающий собственный недуг и превращающий свою слабость в силу. Но несомненно, что и это свойство личности может иметь в данном случае немалое значение. Секрет влияния этих людей нередко заключается в том, что силой своего психического воздействия они как бы индуктируют, приводят в движение психические силы, дремлющие в других людях, силы всего коллектива. Шаман – не психопат, а психотерапевт.

Для понимания личности шамана как исторического и психологического явления важно отметить, что шаманы, как правило, натуры художественно одаренные. Как человек, обладающий незаурядной личностью, шаман аккумулирует в себе большие творческие возможности, реализуемые в области мифопоэтического творчества, драматического и изобразительного искусств. И это несмотря на то, что в первобытном обществе сам творческий процесс в основном еще неспециализирован и во многом имеет коллективный характер.

Сохраняясь в более развитых общественных структурах, шаманизм в основе своей остается типичным порождением первобытных охотничьих культур.

И.К. Федорова

/Ленчасть Ин-та этнографии АН СССР/

Церемония избрания тангата ману как
социальный институт

К числу загадочных сторон древней культуры острова Пасхи /Рапа-Нуи/ относится церемония ежегодных выборов тангата ману, или человека-птицы, семантический смысл которой не выявлен до конца исследователями XIX–XX вв. Она включала в XVII – I половине XIX вв. празднества, спортивные соревнования и ритуальные действия, приуроченные ко времени прилета морских крачек ману тара к месту своих гнездовий на островках Моту-Нуи, Моту-Ити и